

**НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА**

**Социология, культурология, психология и
антропология: научные и практические
парадигмы**

Сборник научных трудов
по материалам I международной
научно-практической конференции

28 февраля 2017 г.

www.scipro.ru
Казань, 2017

УДК 330-399
ББК 60

Главный редактор: Н.А. Краснова
Технический редактор: А.Д. Тихова

Социология, культурология, психология и антропология: научные и практические парадигмы: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции, 28 февраля 2017 г. Казань: НОО «Профессиональная наука», 2017. 58 с.

ISBN 978-5-00-007330-4

В сборнике научных трудов рассматриваются актуальные вопросы социологии, культурологии, психологии по материалам научно-практической конференции **«Социология, культурология, психология и антропология: научные и практические парадигмы»** (28 февраля 2017 г.).

Сборник предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все включенные в сборник статьи прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – **РИНЦ** по договору No 2819-10/2015K от 14.10.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте www.scipro.ru.

УДК 330-339
ББК 60

978-5-00-007330-4

© Редактор Н.А. Краснова, 2017

© Коллектив авторов, 2017

© НОО Профессиональная наука, 2017

Содержание

СЕКЦИЯ 1. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА 4

Везетиу Е.В. Социально-психологические проблемы современного российского общества4

Вовк Е.В. Проблема изучения социальных рисков на современном этапе развития отечественной социологии10

Шачина Д.М. Современные технологии как условие развития аддиктивного поведения у подростков.....16

Юдин В.В. О перспективах создания современной государственной идеологии России22

СЕКЦИЯ 2. ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ПСИХОЛОГИЯ..... 32

Кектеева Ю.И. О возможностях краткосрочного тренинга по профилактике и коррекции эмоционального выгорания у акушеров-гинекологов32

СЕКЦИЯ 3. ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ 40

Шалагинова К.С. Проблема предупреждения суицидальных рисков в подростковом возрасте40

СЕКЦИЯ 4. СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ 49

Карымова С. М. Образ врага в фольклорной традиции тюркских народов Южной Сибири49

СЕКЦИЯ 1. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316

Везетиу Е.В. Социально-психологические проблемы современного российского общества

Socio-psychological problems of modern Russian society

Везетиу Екатерина Викторовна

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)

Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования

«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Ялта

Vezetiu Ekaterina Viktorovna

Academy of the Humanities and Pedagogics (branch)

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Yalta

Аннотация. Статья посвящена изучению актуальных проблем социально-психологического характера в современном российском обществе. В рамках данного исследования указан перечень наиболее острых общественных проблем социально-психологического характера, проведен их анализ и установлен генезис. Автор обосновывается актуальность изучения и учета указанных проблем в системе проектирования социальной государственной политики, производится анализ общественного развития через отношение к существующим социально-психологическим проблемам в современном обществе.

Ключевые слова: общество, проблемы социально-психологического характера, социализация личности, конфликты, экологическая ситуация, социальные противоречия, система образования, социальная защищенность.

Abstract. The article is devoted to actual problems of socio-psychological character in modern Russian society. In this study, the list of the most pressing social problems socio-psychological problems, their analysis and a Genesis. The author substantiates the urgency of studying and taking into account the mentioned problems in the system design of social public policies, the analysis of social development in relation to existing social and psychological problems in modern society.

Keywords: society, problems of socio-psychological, socialization of the personality, conflicts, environmental situation, social contradictions, the education system, social security.

Тенденции развития современного общества отражаются не только на сущности закономерностей социального и психологического развития его членов, но обобщенно влияет на формировании портрета и изменения облика

общества в целом. Под определенным обществом понимается население конкретной страны. Развитие общества зависит от существующей в государстве формы управления им, присущих ему культурно-исторических традиций, системы ценностных ориентаций и ряда других факторов.

Многоплановость и развитое структурирование современного общества влияет не только на его изменения, но и порождает проблемы различного характера у конкретных его представителей. Однако в данном ключе стоит подчеркнуть, что проблемы общества связаны с вопросами социализации каждой личности в отдельности. В этой связи обратимся к рассмотрению понятия «социализация личности».

Под социализацией, по Г.М. Андреевой, следует понимать процесс усвоения индивидом социального опыта посредством вхождения в систему социальных связей, а также – процесс активного воспроизводства данного опыта за счет активной деятельности и включения индивида в социальную среду [1]

Так, по нашему мнению, в широком смысле социализация представляет собой процесс приобщения членов общества к достижениям цивилизации. Иными словами – это процесс усвоения и воспроизведения людьми общественного опыта со всеми его составляющими. В узком смысле термин «социализация личности» представляет собой процесс и результат усвоения общественного опыта отдельно взятым человеком, а также процесс его становления в роли полноценного участника общества. По мнению многих исследователей, от уровня социализации личности зависит не только развитие общества в целом, но и характер возникающих в нем проблем.

На современном этапе развития социологии отмечается повышенный интерес к проблемам существования личности в обществе. Развитие региональных и глобальных конфликтов, социально-политических,

экологических, научно-технических, духовных процессов порождает ряд проблем социально-психологического характера. Констатация данного факта актуализирует необходимость их изучения с целью поиска наиболее продуктивных путей их решения.

На основе изучения научной литературы в области социологии и данных многочисленных социологических исследований последних лет нами сформулированы наиболее актуальные проблемы социально-психологического характера, присущие современному российскому обществу. Перейдем к более подробному их рассмотрению.

Одной из наиболее распространенных проблем нашего общества, о чем свидетельствует мнение респондентов социологических исследований, является проблема неуверенности в завтрашнем дне. По результатам исследований, наличие данной проблемы готов признать каждый второй россиянин, а более 80-ти % респондентов считают ее первостепенной в перечне проблем нынешнего общества.

Столь широкое распространение проблемы неуверенности членов общества вызвано проблемами социальной незащищенности населения страны, что откладывает отпечаток на его психологическом состоянии и отношении к окружающей действительности. Распространение данной проблемы проявляется в развитии среди представителей общества таких явлений, как апатия, социальная пассивность, агрессивность, фобии различного характера.

Не менее актуальной население России считает проблему образования в стране. Данная проблема в большей степени вызвана противоречием между констатацией на государственном уровне бесплатности и доступности образования и реальной картиной. Так как практически в каждой образовательной организации с родителей взимают средства на ремонт,

методические пособия, дополнительные услуги и прочее.

Однако более острой является проблема высшего профессионального образования. По мнению Л.М. Яо, «система высшего образования в современном российском обществе как фактор культурного воспроизводства испытывает огромные трудности, связанные с противоречиями между производителями и потребителями образовательных услуг» [5, с. 28]. Исследователь выделяет следующие аспекты в рамках проблемы современного высшего профессионального образования:

- вузы готовят многих специалистов по неактуальным ныне профессиям;
- коммерциализация высшего образования снижает уровень его доступности для представителей общества с низким и средним достатком;
- материально-техническая база многих вузов не соответствует информационным технологиям;
- сегодня существует проблема замены ценности образования ценностью диплома о высшем образовании [5].

По мнению респондентов социологических исследований, глобальные изменения, коснувшиеся системы образования, создали проблему его получения как для нынешнего поколения, так и для последующих [3].

Одной из актуальных проблем социально-психологического характера среди представителей отечественного социума является экологическая проблема. Актуализируют данную проблему среди представителей российского общества глобальные процессы, снижающие уровень мировой экологии, стремительное развитие технологических процессов, развитие науки относительно исследования окружающей среды, потребляемых продуктов, генетических заболеваний и т.д.

Одной из проблем социально-психологического характера сегодня

является проблема научно-технического прогресса, представляющего собой поступательное развитие науки и техники, что «стимулирует качественные преобразования материального производства и непроизводственной сферы, ведет к росту производительности труда, оказывает воздействия практически на все стороны жизни общества» [2, с. 351].

Озабоченность населения вызывается опасениями относительно соответствия преобразований в различных сферах общества реальным потребностям людей, а также проблеме дальнейшей трудозанятости и перспективности существующих профессий в виду стремительного развития процессов, связанных с автоматизацией производственного труда [4].

В рейтинге актуальных общественных проблем социально-психологического характера не последнее место занимает проблема социальных и политических конфликтов. Актуальность данной проблемы вызвана обострением социальных, политических, имущественных, национальных и других противоречий. Данные социологических опросов и современных публикаций относительно проблемы конфликтов в обществе говорят о том, что сегодня наше общество сознательно пришло к тому, что хочет видеть решение конфликтов в созидательном, а не разрушительном плане, подспорьем чему должно служить формирование объективно положительной системы ценностей в обществе [3].

Таким образом, проанализировав проблемы социально-психологического характера в современном обществе, можно утверждать, что население проявляет некую социальную сознательность относительно ряда проблем. Опасения относительно научно-технического прогресса, ухудшения экологической ситуации, падения роли духовно-нравственных ценностей позволяет утверждать повышение уровня сознательности среднестатистического гражданина России,

степени его социальной активности.

Анализ и учет указанных проблем при планировании государственной политики в различных сферах позволит, по нашему мнению, снизить уровень обеспокоенности и нестабильности российских граждан, заложить основы для формирования поистине толерантного и гуманного общества.

Библиографический список

1. Андреева Г. М. Социальная психология. М., 2008. – 375 с.
2. Бурляева В.А., Чебанов К.А. Проблемы социально-психологического характера в современном социуме // [Мир науки, культуры, образования](#). – 2014. – № 2. – С. 350 – 352.
3. Волков Б.С., Волкова Н.В. Конфликтология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М., 2005. – С. 361.
4. Чернышева Н.И. Проблема трудоустройства выпускников учебных заведений и поиск путей ее решения // Наука и экономика: научно-информационный журнал. – №1(5). – январь 2011. – Иваново: ООО «Научная мысль», 2011. – С. 62-63
5. Яо Л.М. Проблемы высшего образования в современном российском обществе // [Современные проблемы науки и образования](#). – 2009. – № 6-2. – С. 28 – 31.

УДК 316

Вовк Е.В. Проблема изучения социальных рисков на современном этапе развития отечественной социологии

The problem of studying of social risks at the present stage of development of domestic sociology

Вовк Екатерина Владимировна

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)

Федерального государственного автономного

образовательного учреждения высшего образования

«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Ялта

Vovk Ekaterina Vladimirovna

Academy of the Humanities and Pedagogics (branch)

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Yalta

Аннотация. Статья посвящена анализу состояния изученности проблемы социальных рисков в современной отечественной социологической науке. В работе рассматриваются основные положения авторских научных концепций российских ученых-социологов относительно проблемы социальных рисков в контексте отечественного социума. В статье осуществлена попытка анализа уровня изученности указанной проблемы и прогнозирования дальнейших научных перспектив в данной области социологического знания.

Ключевые слова: социология риска, социальная рискология, социальные риски, изучение социальных рисков, современное российское общества, теоретические аспекты изучения социальных рисков, российская социологическая наука.

Abstract. The article is devoted to analysis of the state of knowledge of the problems of social risk in the contemporary Russian social science. The paper discusses the main provisions of the author's scientific conceptions of the Russian sociologists on the problem of social risks in the context of the national society. In the article an attempt to analyse the level of knowledge of this problem and predict the future research perspectives in this field of sociological knowledge.

Keywords: sociology of risk, social riskology, social risks, social risks of modern Russian society, theoretical aspects of the social risks of the Russian sociological science.

Современное российское общество характеризуется рядом структурных и функциональных изменений, что порождает возрастание количества социальных рисков. Неустойчивость, которую демонстрирует современное общество к имеющимся рискам, актуализирует проблему изучения социальных рисков.

Проблема рисков в истории социологии изучается достаточно продолжительное время и отразилась в исследованиях таких зарубежных

ученых, как У. Бек, Э. Гидденс, С. Лихейстайн, М. Дуглас, К. Дейк и других.

В отечественной социологии проблема изучения социальных рисков также не нова, однако систематический и целенаправленный интерес к изучению данной проблемы можно констатировать в конце XX века. Истоком активности научного внимания к данной теме стала катастрофа на Чернобыльской АЭС в 1986 году. С тех отечественная социология риска практически выступает как полноценная самостоятельная отрасль социологического знания.

Пионерами в области социологии риска в России стали В.И. Зубков, Ю.А. Зубок, С.А. Кравченко, С.А. Красиков, А.В. Мозговой, О.Н. Яницкий.

На основе анализа исследований вышеуказанных ученых можно утверждать, что в отечественной социологии изучение риска осуществляется в контексте процессов трансформации российского социума. Однако, несмотря на указную общность современных отечественных исследований в области социологии риска, следует подчеркнуть, что ученые исследуют риски с различных концептуальных позиций и ракурсов. Обратимся к рассмотрению основных положений концепций исследования социальных рисков в отечественной социологии риска.

О.Н. Яницкий, который является автором исследования «Социология риска» и ряда других публикаций по данной проблематике, считает, что современный отечественный социум живет в условиях риска, а точнее – постепенно трансформируется в общество риска. К осознанию данного факта ученый приходит путем сравнения российского общества с западным [5].

Автор подчеркивает, что целью среднестатистического российского гражданина является не личностное и социальное развитие, а выживание. Учитывая данный факт, рискозависимость и ощущение опасности становятся нормами. По мнению автора, привыкание человека жить в экстремальных

условиях формирует высокий уровень социально-приемлемого риска в обществе. Недостаточная изученность социальных рисков прошлого и стремительное появление новых не позволяют современному россиянину успеть проанализировать и контролировать их в достаточной степени [5]. Данные мысли в своей концепции разделяет и Ю.А. Зубок [2].

Одним из путей решения современной ситуации российского общества относительно проблемы наличия социальных рисков О.Н. Яницкий видит проведение интенсификации социокультурной рефлексии и рефлексивности. Под понятием социокультурной рефлексии автор понимает осуществление систематического анализа рисков и осмысления характерных для отечественного социума ситуаций, а также публичное обсуждения уровня состояния российского общества. Термин «рефлексивность» исследователь трактует как процесс трансформации старых и возникновения новых «социальных акторов и институтов в ответ на вызовы общества риска» [5, с. 4].

О.Н. Яницкий осуществил попытку структуризации общества риска, в котором одним из структурных результатов выделил формирование риск-солидарностей. Данное понятие, в свою очередь, делится на солидарности производителей и жертв риска. Автор убежден, что отечественный социум характеризуется вынужденной солидарностью, то есть – негативной, которая заключается в общности людей, основанной на вынужденной поддержке других членов общества с другими ценностями и социальными статусами [5].

Для решения имеющихся проблем современного общества риска, по О.Н. Яницкому, необходимо развитие социологии риска как отдельной отрасли социологического знания. Исследователь видит два пути развития отечественной социальной рискологии: регистрационный и аналитический, где первый заключается в регистрации «колебания общественного мнения, страхов и тревог

по мере возникновения катастрофических событий» [5, с. 46]. Однако регистрационный путь, по мнению автора, ограничен дисциплинарными рамками, так как полноценное осознание риск-динамики общества может быть достигнуто лишь на основе междисциплинарного подхода. Аналитический путь развития социальной рискологии «основывается на апробации теоретического инструментария западной социальной рискологии на предмет ее релевантности к российской ситуации» [Яниц, с. 46].

Авторы научного труда «Социология риска: полипарадигмальный подход» С.А. Кравченко и С.А. Красиков осуществляют подбор нескольких подходов к изучению проблемы социального риска:

- подход, основанный на определении риска посредством теоретико-методологического инструментария отдельно взятой социальной парадигмы;
- подход, основывающийся на использовании методологического синтеза;
- подход, в основе которого — использование интегральных социологических парадигм;
- подход, основанный на интеграции результатов развития социологии и смежных социальных и естественных наук;
- подход, предполагающий, что каждая парадигма должна внести свой смысл в определение и изучение рисков [3].

В современной социологии существуют и исследования, посвященные изучению конкретных социальных рисков и их воздействия на общество. Так, авторству А.А. Мозговой принадлежат исследования по различным типам социальных рисков, касающиеся экологических проблем современности; проблем общества, вызванных результатом научно-технического прогресса и т.д.

В работах указанной исследовательницы можно встретить понятие «технологический риск», который она рассматривает в роли глобального риска,

влияющего на развитие общества в связи с развитием и внедрением новых технологий в производственную деятельность. А.В. Мозговая обосновывает необходимость осуществления отдельных исследований, направленных на изучения сущности социальных рисков населения, проживающего близ промышленных предприятий, которые представляют собой потенциальную возможность выступать источником возникновения технологических рисков [4].

Аспектуальное изучение социальных рисков осуществляет также В.И. Зубков, в частности рассмотрение их в поведенческом аспекте. Ученый изучает процесс принятия личностных решений представителями отечественного общества в ситуациях неопределенности, характеризующихся социальными рисками.

Также В.И. Зубков сформулировал типологию социальных рисков применительно к российскому обществу. Так, ученый выделяет бытовые, политические, культурные и трудовые риски.

Структуру социальной рискологии В.И. Зубков представил следующим образом:

- анализ риска как социального явления;
- осуществление классификации риском по ряду критериев;
- анализ глобальных рисков и поиск путей снижения их социального воздействия;
- анализ взаимосвязи риска и девиантного поведения;
- анализ рисков в различных обществах, культурах, в различных сферах и на различных уровнях социальной организации [1].

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что, несмотря на то, что исследования социальных рисков в отечественной социологической науке стали проводиться сравнительно недавно, на сегодня уже имеется широкая база

научных исследований. Их появление вызвано пониманием исследователями влияния происходящих в обществе процессов и вызываемых ими социальных трансформаций.

На основе анализа рассмотренных научных концепций, посвященных изучению социальных рисков, можно говорить о наличии широкого предметного поля изучения рисков различного происхождения, а также их анализа с позиций различных аспектов и подходов.

Однако, несмотря на наличие имеющихся исследований, ведущие ученые в области социальной рискологии констатируют на сегодня пока недостаточную теоретическую определенность понятия социальных рисков в контексте российского общества и обоснованность их типологий; слабую освещенность результатов проведенных исследований. В этой связи отечественная социологическая наука испытывает острую необходимость в развитии научных исследований в области социальной рискологии.

Библиографический список

1. Зубков В.И. Социологическая теория риска: Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – 230 с
2. Зубок Ю.А. Риск в социальном развитии молодежи// Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 2. – С. 148.
3. Кравченко С.А., Красиков С.А. Социология риска: Полипарадигмальный подход. – М.: Анкил, 2004. – С. 17-24.
4. Мозговая А.В. Социология риска: возможности синтеза теории и эмпирического знания // Риск в социальном пространстве. – М., 2001. – С. 12-37.
5. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. – 2003. – №1. – С.3-35

УДК 159.9.07

Шачина Д.М. Современные технологии как условие развития аддиктивного поведения у подростков

Modern technology as a condition for the development of addictive behavior in
adolescents

Шачина Дарья Михайловна,

Студентка (магистр), кафедры возрастной и педагогической психологии,
Самарский государственный социально-педагогический университет

Shachina Daria Mihailovna,

Student (Master), chair of developmental and educational psychology,
Samara State Social and Pedagogical University

Аннотация: В статье рассматривается актуальная проблема выявления и оценки возможных психологических последствий чрезмерного использования Интернета. Многочисленными интернет-пользователями являются подростки. Интернет-зависимость в подростковом возрасте вызывает отрицательное воздействие на психику, так как в этот период развития возможны различные отклонения в поведении. Чрезмерное увлечение Интернетом формирует психологические проблемы, оказывает негативное влияние на здоровье, поведение, психологические установки, социальные нормы и ценности подростка. Поэтому проблема интернет-зависимости представляет серьезную проблему и приобретает общественный характер.

Ключевые слова: Интернет, социальные сети, интернет-аддикция, подростки.

Abstract: The article considers the actual problem of identifying and evaluating the possible psychological effects of excessive use of the Internet. Numerous internet users are teenagers. Internet addiction in adolescence causes a negative impact on the psyche, because in this period of development of the various possible deviations in behavior. Excessive internet creates psychological problems had a negative impact on health, behavior, attitudes, social norms and values of a teenager. Therefore, the problem of Internet addiction is a serious problem and acquires a social character.

Keywords: Internet, social networking, internet addiction, adolescents.

На исходе XX столетия человечество вступило в новую эпоху своего существования – эпоху информационного общества. Во всем мире наблюдается проникновение Интернета в профессиональную и быденную жизнь десятков миллионов людей. Интернет для современного человека – это неотъемлемая часть жизни. В Интернете читают новости, смотрят фильмы, делятся фотографиями, слушают музыку, общаются с друзьями, знакомятся, влюбляются, ссорятся, практически вся жизнь современного человека перетекла в Интернет.

Огромное количество пользователей сети настолько увлекаются виртуальным пространством, что предпочитают его реальному миру. Нарастающее использование Интернета привлекло внимание психиатров, психологов и психотерапевтов. В литературе появился термин «компьютерная зависимость» и как ее составная часть – «интернет зависимость» [5].

Феномен интернет-аддикции или интернет-зависимость интенсивно обсуждается в настоящее время. Он часто именуется заболеванием или синдромом (Internet Addiction Disorder). «Интернет-аддикция» интерпретируют как обсессивное или компульсивное желание войти в Интернет, находясь off-line, и невозможность выйти из Интернета, находясь on-line (синонимы: «виртуальная аддикция», «нетаголизм», «интернет-аддикция», «кибераддикция») [1].

Феномен интернет-аддикции неоднократно описывался зарубежными (А. Голдберг, К.Янг, М. Орзак, Д.Гринфилд, Дж. Морэйхан-Мартин) и отечественными (А.Е. Войскунский, Н.В. Чудова, Г.В. Солдатова, В.А. Лоскутова, О.Н. Арестова, М.С. Радионова и Т.С. Спиркина) исследователями. Однако некоторые специалисты (Дж.Грохол, С.Стерн) отказываются признать интернет-аддикцию в качестве самостоятельного вида зависимости, по мнению Дж.Грохол и С. Стерна многие ученые закрывают глаза на реальные преимущества, которые приносит Интернет, а именно это возможности получения, передачи и обработки информации официального, делового или научного характера, то есть использование Интернета обогащает людей [4]. Несмотря на очевидные преимущества сети зависимость от Интернета оказалась серьезной проблемой для США, Китая, Кореи и Тайваня, в которых распространенность интернет-зависимости достигла размеров поистине эпидемических. В результате чего международное руководство по диагностике и статистике психических расстройств DSM-IV (Diagnostic and Statistical Manual

of mental disorders) в 2013 году внесли параграф о том, что интернет-зависимость это один из видов психических расстройств, который требует дальнейших исследований. Согласно исследованию клинического психолога К. Янг, распространенность интернет-аддикции подобна патологической зависимости от азартных игр, то есть привыкание к Интернету можно определить как расстройство привычек и влечений, не вызванное химическими веществами [5].

Нами было проведено эмпирическое исследование с учащимися 8–х классов МБОУ г.о. Самары. Всего в исследовании приняло участие 60 респондентов, из которых 31- школьник мужского пола и 29 - школьников женского пола, в возрасте от 14 до 15 лет.

В качестве психологического инструментария был выбран тест на интернет-зависимость В.А. Лоскутовой, и разработанный опросник «я и социальные сети». На основе полученных в ходе опроса данных было выявлено, что лишь у двоих (3,2%) респондентов нет зависимости от Интернета. Половина опрошенных – 49 человек (78,4%) много времени проводят в Интернете, при этом в силах себя контролировать. Школьников склонных к зависимости от Интернета было выявлено 9 человек (14,4 %).

Не смотря на то, что большинство подростков способны себя контролировать, Интернет оказывает негативное влияние на их жизнь и является причиной некоторых проблем. Мы обнаружили, что 29 подростков (46,4%) отмечают, что из-за чрезмерного увлечения Интернетом у них снижается успеваемость, у 34 школьников (54,4%) недосыпание, нарушается режим сна, так же 33 школьника (52,8 %) пренебрегают домашними делами.

Не смотря на то, что школьники 43 человека (68,8%) осознают, что Интернет, это пустая трата времени, 38 человек (60,8%) довольно часто задерживаются в Сети дольше, чем планировали, говоря себе «еще минутку».

Близкое окружение, замечая сильную увлеченность Интернетом, пытается препятствовать, что приводит к конфликтам в семье – 32 (51,2%) подростка занимают оборонительную позицию, когда их спрашивают, чем они занимаются в Сети, 15 (24%) подростков кричат, или иным образом выражают свою досаду, когда кто-то пытается их отвлечь. Подобное поведение приводит к разрушению отношений подростков со значимыми людьми, они становятся скрытными или раздражительными, еще глубже погружаясь в виртуальное пространство.

Многие подростки пытались сократить время пребывания в сети, или хотя бы уменьшить частоту посещения социальных сетей, но это оказалось не так-то легко 29 (46,4%) человек потерпело поражение в попытках сократить время, проводимое в Интернете.

На вопрос чем же привлекательны социальные сети, большинство 31 (49,6%) подростков ответили – общение и быстрая связь с теми, кого нет рядом; 10 (16%) человек используют социальные сети, как источник информации; 15 (24%) школьников чаще всего заходят в Интернет ради развлечения, посмеяться над необычными «мемами», послушать музыку, поиграть в он-лайн игры. Причины разные, но итог почти всегда один и тот же – многие просто отрывают огромный кусок времени от реальной жизни и отдают его виртуальной. Стоит отметить, что из 60 опрошенных 15 (24%) школьников предпочитают живому общению со сверстниками – виртуальное. Среди других симптомов и последствий интернет-зависимости у школьников можно назвать такие: 25 (40%) школьников постоянно проверяют нет ли новых уведомлений; в случае неприятных переживаний чтобы отвлечься 19 (30,4%) подростков уходят в виртуальное пространство; 29 (46,4%) подростков находятся в постоянном ожидании, когда будет возможность посетить свой аккаунт; 15 (24%) школьников испытывают недовольство и чувство подавленности, не имея доступа к

Интернету; и больше половины школьников 37 (59,2%) ощущают, что жизнь без Интернета скучна, пуста и безрадостна. Все эти симптомы связаны с высокими показателями склонности к интернет-зависимости.

Таким образом, чрезмерная трата времени на пребывание в социальных сетях Интернета негативно сказывается на подростках. Подростковый возраст это период приобретения эмоциональной независимости от родителей, развитие духовности и интеллектуального потенциала, выбор и подготовка к профессии, подросток начинает брать на себя позицию взрослого. Подросток начинает сознательно формулировать свои ценностные ориентации. Навыки общения с другими людьми, эмоциональная сфера ребенка формируются, прежде всего, при общении с родителями и сверстниками, при взаимодействии с непосредственно окружающей средой [2]. Однако виртуальная реальность не дает истинного представления об окружающем и создает представление о реальности виртуального мира и абсолютной ненужности естественного, повседневного.

Библиографический список

1. Войскунский А.Е. Феномен зависимости от Интернета // Гуманитарные исследования в Интернете. – М., 2000, с. 100-131.
2. Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития: учеб. для высш. учеб. заведений / В.С. Мухина. – 10-е изд., перераб. и доп. – М.: Академия, 2006. – 608 с.
3. Солдатова Г. В. Дети сегодня те же самые, но изменилась среда вокруг// Дети в информационном обществе. – 2015. – №21. – С. 10-16.
4. Стерн С., Нет ничего практичнее, чем хорошая теория: мое постоянное возражение против применения слова «Интернет» в психологической диагностике // Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития: тезисы докл. симпозиума (Москва, 10 июня 2009

г.). – Москва, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psy.msu.ru/science/conference/internet/2009/brief.html> (дата обращения: 30.01.2017).

5. Юрьева Л.Н., Больбот Т.Ю. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика. – Днепропетровск: Пороги, 2006. – 196 с.

УДК 32.019.51

Юдин В.В. О перспективах создания современной государственной идеологии России

About the prospects of creating a modern state ideology of Russia

Юдин Валентин Васильевич,

Кандидат философских наук, доцент Департамента социологии,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Valentin V. Yudin

PhD, Associate Professor, Department of Sociology
Financial University under the Government of the Russian Federation

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о целесообразности формирования государственной идеологии в современной России. Анализируются социокультурные характеристики российского общества, формирующие ценностный каркас идеологии. Показывается зависимость успеха модернизации общества от определенного набора ценностей. Делается вывод о несвоевременности формально-юридического оформления в сегодняшних условиях государственной идеологии ввиду явного несоответствия преобладающих ценностей требованиям модернизации.

Ключевые слова: идеология; ценности; индивидуализм; дистанция по отношению к власти; модернизация.

Abstract: The article discusses the question of whether the formation of state ideology in modern Russia. Analyzes the socio-cultural characteristics of Russian society, forming evaluative framework ideology. Shows the dependence of the success of the modernization of society from a certain set of values. Concludes untimely formal legal registration in today's state ideology because of the apparent disparity between the prevailing values and modernization requirements.

Keywords: ideology; value; individualism; distance in relation to the authorities; modernization.

Понятию «идеология» ныне приписывается огромное множество значений. От «ложного, иллюзорного сознания» (по К.Марксу) до «высших ценностей и идеалов», направляющих общественное развитие. Поскольку за двести с лишним лет существования данного понятия (со времен Дестюта де Траси) добиться сколь-нибудь общепринятой его трактовки не удалось, попробуем оттолкнуться от «словоприменительной» практики. В сегодняшних диалогах словосочетания «либеральная идеология» или «социалистическая идеология» как-то не вызывают потребности переспрашивать: а что именно вы

имеете в виду? Интуитивно и так всем ясно, о чем идет речь. Самоочевидно, что употребляющие эти слова люди в большинстве случаев хотят обозначить определенные наборы идей и ценностей, фиксирующих необходимость изменения или сохранения существующего социального порядка. Причем эти системы идей практически никогда не бывают приняты единодушно. Что легко объясняется социальной неоднородностью общества.

Так что феномен идеологии – социально-групповой, а не общесоциальный. Но возможна ли в таком случае общегосударственная идеология? Вполне: ведь государство-то – это тоже определенным образом организованная группа (моно- или даже мультиэтническая). И у этой группы может и должна быть своя идеология, фиксирующая и защищающая общенациональные интересы. Защищать их, очевидно, требуется в столкновениях с интересами других национальных групп (государств). Так что подобная идеология предназначена преимущественно для внешнего употребления, где национально-государственная общность может быть представлена единой целостностью. Как например, в случае защиты граждан, попавших за рубежом в затруднительное положение. Или в ситуациях, связанных с угрозами суверенитету, национальной безопасности, интересам своих производителей и пр. Тут с идеологией все более или менее ясно.

Однако положение существенно усложняется при переходе к делам внутренним. Ибо тут уже сталкиваются интересы «своих» для государства-нации социальных групп, предъявляющих постоянные притязания на определение целей и задач внутренней политики государства. Возможна ли в этом случае объединяющая все разнородные социальные группы единая государственная идеология? (Для России этот вопрос, понятно, ставится чисто гипотетически, ибо практическое его воплощение запрещено Конституцией РФ 1993 года.)

На мой взгляд, и на этот вопрос следует дать в принципе положительный ответ. Да, единая государственная идеология возможна и необходима, если государство (или политическая элита) сможет разработать объединяющий большинство граждан социальный проект переустройства общества и добьется при этом консенсуса хотя бы основных социальных групп по поводу базовых ценностей, заложенных в основу намеченного к реализации проекта.

Однако, к большому сожалению, оба названных условия в современной России выглядят практически невыполнимыми. Поиски внятной национальной идеи на протяжении почти четверти века существования обновленного российского государства пока успехом не увенчались. Ценностного консенсуса (или хотя бы движения к нему) в нынешней российской культуре также не наблюдается. Поэтому и приходится обращаться к принципу конкретности истины: вообще-то государственная идеология – вещь неплохая, но в сегодняшних конкретных условиях она совершенно нецелесообразна.

Объяснение этого пессимистического тезиса лежит, что называется, на поверхности. Государственная идеология нужна нашему обществу не сама по себе. Она не самоцель. Целью является мобилизация масс на осуществление назревших общественных преобразований. Их метафизическая сущность, положим, еще не нашла внятной формулировки. Зато эмпирическая схема давно в социальных науках (экономике, социологии, политологии) отработана. Это – концепция модернизации. Необходимость перевода страны на более высокую траекторию развития, характеризующуюся непрерывным технологическим обновлением производства, упором на его наукоемкие отрасли, растущими вложениями в человеческий капитал и прочими признаками постиндустриализма, была осознана еще при Советской власти.

Однако сколько-нибудь весомых результатов нет до сих пор. Да и

прогнозы на ближайшее будущее неутешительны. Как ни пытается государство снять российскую экономику с пресловутой «сырьевой иглы», ничего толком сделать не удастся (причем уже почти полсотни лет).

Так отчего же так отчаянно буксует модернизация в России? Отметим при этом, что далеко не только в России. Десятки стран в последние несколько десятилетий стремятся осуществить модернизацию, дающую стабильно высокие темпы развития. Не получается практически ни у кого. Но все же есть и исключения: Япония, Южная Корея, Сингапур и др. Естественным образом возникают два взаимосвязанных вопроса: почему не получается у большинства и отчего так повезло всего лишь нескольким странам?

Возможный ответ на эти вопросы можно найти, анализируя социокультурные характеристики стран-лидеров в сравнении с остальными. Иначе говоря, стоит присмотреться к преобладающим в различных странах социальным ценностям, которые, как выясняется, могут как «поощрять», так и тормозить процессы модернизации. Благо, ценностные характеристики различных культур стали за минувшие полвека более-менее измеримы. В социологической среде весьма популярна методика кросс-культурных исследований голландца Г.Хофстеде, масштабный долговременный проект мониторинга эволюции ценностей в различных странах (World Values Survey) был развернут под руководством американского профессора Р.Инглхарта [см. 1] и т.д.

Содержащаяся в этих исследованиях информация позволяет сделать однозначный вывод о наличии сильной корреляции между динамикой основополагающих ценностей и количественными показателями социально-экономического развития общества.

В посвященном данной теме докладе «Культурные факторы

модернизации», подготовленном в консультативной рабочей группе президентской комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России под руководством профессора А.А.Аузана, утверждается, что «...модернизация – это прежде всего социокультурный процесс (результатом которого является выход на устойчивую траекторию экономического развития...), в рамках которого происходит переход от традиционных ценностей к секулярно-рациональным, сопровождающийся снижением дистанции по отношению к власти, а также укреплением значения ценностей индивидуализма и самовыражения». [2, с.27] Именно это смогли сделать совершившие во второй половине XX века модернизационный рывок «азиатские тигры»: они смогли изменить систему традиционалистских ценностей.

Если использовать методику Г.Хофстеде и посмотреть на основные параметры ценностного измерения культуры таких, например, стран как Россия и США, то получится весьма впечатляющая картина. По таким показателям как «индивидуализм - коллективизм», «приемлемость неопределенности», «маскулинность - феминность» две упомянутые страны фактически противоположны. Видимо, это и есть тот социокультурный фактор, который сдерживает модернизаторские устремления российского общества, не дает назревшим изменениям реализоваться. Значит, решение задачи модернизации страны должно обязательно включать в себя целенаправленный ценностный сдвиг в российской культуре.

Но возможно ли формирование ценностей «сверху», в приказном, так сказать, порядке? В принципе вообще-то – да. Смогли же, например, американцы подавить расизм, немцы – очиститься от фашизма, а Япония с Тайванем – «нарастить» индивидуализм. И тут бы, по логике вещей, и должна пригодиться государственная идеология (которой у нас де-юре нет). Значит, ее спешно следует

создать? Боюсь, однако, что утвердительный ответ и на этот вопрос будет сегодня по крайней мере преждевременным.

Современная идеологическая ситуация в России характеризуется конкуренцией праволиберального, консервативно-патриотического и левосоциального (социалистического) наборов идей. Идеологии радикального типа не получили сколько-нибудь заметного влияния и (видимо, как итог исторического пресыщения радикализмом марксизма-ленинизма).

Преобладание на сегодняшнем российском идеологическом пространстве либеральных, консервативных и социалистических конструкций не случайно: каждая из них выражает не только интересы стоящих за ними элитарных политических групп, но и фундаментальные общественные потребности, озвучиваемые на языке политических целей и задач.

Праволиберальная идеология (экономическая свобода, рынок, права человека, сближение с Западом) ориентирована у нас на задачу глубокого реформирования всех сфер общественной жизни, начиная, естественно, с экономики. Консервативно-патриотический комплекс идей (традиционные ценности, укрепление сильной державы, защита интересов русских) пытается спасти былое единство народа, раскалываемое экономическими реформами, поднять уровень самооценки нации, изрядно понизившийся в результате краха имперских амбиций бывшего СССР. Социалистическая же система идей (социальная справедливость, равенство, защита интересов людей труда, антиглобализм) призвана сгладить шоковые последствия либеральных реформ, сохранить по мере возможности былую социальную защищенность и «уверенность в завтрашнем дне» каждого члена общества. В принципе все эти задачи вовсе не взаимоисключающи. Так что у лидирующих ныне в России идеологических течений есть точки соприкосновения.

Однако анализ сравнительной популярности названных идеологических направлений показывает явный крен в сторону консервативных настроений. По данным проведенного ВЦИОМ в июле 2016 года всероссийского опроса общественного мнения, «внутри страны приоритетами для большинства россиян являются стабильность (63%) и порядок (66%). Потребность в укреплении роли государства высказывают 69%, и втрое меньше (22%) говорят о необходимости либерализации всех сфер жизни». [4]

Как свидетельствуют и другие замеры общественных предпочтений, наибольшую симпатию россиян вызывает комплекс консервативных ценностей, обозначаемый как «возвращение к традициям, моральным ценностям, проверенным временем; установлению в стране порядка, основанного на сплочении нации и защите национальных интересов». За него голосуют в основном малообеспеченные россияне, а также граждане предпенсионного и пенсионного возраста.

На втором месте в рейтинге симпатий - демократические ценности, обычно описываемые как «права человека, демократия, свобода самовыражения личности». Их выбирают около четверти опрошиваемых респондентов. Прежде всего это молодые и обеспеченные россияне. Меньше же всего «демократов» как раз среди малообеспеченных и пенсионеров.

За либеральные идеи «свободного рынка, частной собственности, минимального вмешательства государства в экономику, поддержки наиболее сильных, способных созидать» высказываются, как правило, немногим больше десятой части респондентов. Либералов больше всего среди россиян средних лет и младше, граждан со средним и высоким уровнем доходов. Минимальное число сторонников этой идеологии - в группах все тех же малообеспеченных и пенсионеров. Такой ценностный выбор относительно стабилен в последнее

десятилетие.

Если нынешнее российское государство займется проектированием обновленной идеологии, оно неминуемо должно будет опереться на уже принятые хотя бы частью общества социальные ценности. Но ценности постиндустриального толка (индивидуализм, низкая дистанция власти, высокая терпимость, приемлемость неопределенности) сегодня разделяет абсолютное меньшинство россиян. В нашей культуре по-прежнему преобладают ценности традиционалистского плана. И более того - социологи фиксируют увеличение сегмента традиционалистски ориентированных россиян. Если в этих условиях государство с благими намерениями начнет навязывать модернизаторские ценности, «продавливать» их с помощью «административного ресурса», то нетрудно предсказать значительное усиление черт авторитарности политического режима. Что в стране с минимальным историческим опытом демократии крайне нежелательно.

С другой стороны, если проектируемая государственная идеология в поисках ценностного консенсуса предпочтет опереться на преобладающие сегодня традиционалистские ценности, то тем самым будет в очередной раз перекрыта дорога к модернизации российского общества.

Множество признаков сегодняшней идеологической активности нашего государства указывают на то, что политическое руководство страны склоняется к выбору именно второго – традиционалистского варианта идеологии. Понять этот выбор несложно: не только правительству, но и многим теоретикам кажется, что ослабление государственного регулирования в стране с растущим социальным напряжением и ворохом иных проблем просто смерти подобно. За свертыванием государственной активности мерещатся анархия, произвол, гражданская война и прочие малоприятные вещи. И ведь нельзя сказать, что эти

опасения ничем не оправданны.

Масла в огонь подливает и очередное обострение отношений России с Западом. Нарастающая конфронтация с ведущими мировыми державами произвольно порождает «идеологию осажденной крепости», где роль и значение государства неизбежно должны возрасти. В таких условиях закладывать в новую государственную идеологию либеральные ценности вроде «низкой дистанции власти» (т.е. по сути - умаления роли государства) просто бессмысленно.

Вот и не остается, на мой взгляд ничего лучшего как возводить порок в добродетель: то есть объявлять отсутствие формально-юридического оформления государственной идеологии для нынешних российских реалий благом, а не злом. Ибо такое положение позволяет по крайней мере надеяться, что ценностный барьер на пути модернизации в виде традиционалистских ценностей (этатизма, патернализма, избегания неопределенности и пр.) не станет еще выше.

Библиографический список

1. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. - М.: Новое издательство, 2011.
2. Аузан А.А. (руководитель проекта), Архангельский А.Н., Лунгин П.С., Найшуль В.А. Культурные факторы модернизации. Доклад. – М., С-Пб., 2011.http://www.intelros.ru/pdf/kulturnye_factory_modernizacii.pdf
3. Государственная идеология и современная Россия. Материалы Всероссийской научно-общественной конференции. Москва, 28 марта 2014 г. М.: Наука и политика, 2014.

4. Пароль дня: Безопасность. Стабильность. Суверенитет // ВЦИОМ
Пресс-выпуск №3175. <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115815>

СЕКЦИЯ 2. ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 616.8-009.17

Кектеева Ю.И. О возможностях краткосрочного тренинга по профилактике и коррекции эмоционального выгорания у акушеров-гинекологов

About the possibilities of short-term training on prevention and correction of Burnout among obstetricians-gynecologists

Kekteeva Yuliya

Assistant of the Department of psychotherapy
Pirogov Russian National Research Medical University
ulechka87-87@mail.ru

Кектеева Юлия

Ассистент кафедры психотерапии
Российский Национальный Исследовательский Медицинский Университет
имени Н.И.Пирогова

Аннотация: Обследовано 30 врачей акушеров-гинекологов с целью диагностики у них проявлений синдрома эмоционального выгорания (СЭВ). Более чем у половины обследованных выявлены соматические проявления СЭВ, в сочетании с повышенными показателями личностной и реактивной тревожности, субдепрессией. После опроса и тестирования всем 30 человекам были предложены две сессии с психологом (с возможностью при желании их продолжения). Предлагалась помощь в исследовании и решении различных психологических проблем, а также обучение релаксационным приемам. 17 из 30 чел. согласились и посетили эти занятия. Полученные результаты диагностики и краткосрочной психокоррекции могут быть полезны для профилактики СЭВ и психокоррекционных мероприятий при развитии эмоционального выгорания у акушеров-гинекологов.

Ключевые слова: врачи акушеры-гинекологи, профессиональный стресс, эмоциональное выгорание, психодиагностические тесты, тревожность, депрессия, профилактика, психокоррекция.

Abstract: 30 obstetrician-gynecologists were examined in order to find out symptoms of emotional burnout syndrome (EBS). More than 50 per cent of observed doctors had symptoms of somatic manifestations of EBS and also they had high-level of anxiety and sub-depression. After the survey and tests all 30 doctors were offered two sessions with a psychologist (with an opportunity to continue the treatment if needed). 17 out of 30 people agreed to attend those sessions where they were taught

how to use relaxation techniques and they were given help in the research and solutions of various psychological problems. The results of the research could be useful to prevent EBS and for other psychocorrection work in case of EBS development among obstetrician-gynecologists.

Keywords: Obstetrician-gynecologists, professional stress, psychodiagnostic tests, emotional burnout syndrome, anxiety, depression, prevention, psychocorrection.

Особая специфика работы врачей в условиях интенсивных контактов, сопровождающаяся хронической рабочей перегрузкой, и необходимостью постоянно быть на пике высоких профессиональных стандартов и максимально включаться в общение с каждым из пациентов, может привести к явлениям профессиональной деформации, проявляющейся в виде эмоционального выгорания, сопровождающегося потерей заинтересованности в работе, более формальным отношением к профессиональным обязанностям, ощущением эмоционального истощения, опустошения, снижением профессиональной самооценки [1-4, 6].

Эти явления обычно можно наблюдать либо спустя короткое время работы по выбранной специальности, когда наступает первичное разочарование и потеря интереса, либо - по мере увеличения рабочего стажа по специальности, когда возникает «профессиональная усталость». Особенно выраженными явления эмоционального выгорания бывают при работе с пациентами, имеющими проблемное психоэмоциональное состояние, сочетающимся с выполнением интенсивно-однообразной работы, при сложной межличностной рабочей атмосфере в коллективе, работой в условиях повышенной профессиональной конкуренции, при эмоциональной и материальной недооценке рабочего вклада, а также ненормированном рабочем дне [1-6].

Нередко такие условия работы и такую рабочую нагрузку можно наблюдать у врачей акушеров-гинекологов [6]. Специфика работы этой категории врачей, и возможность развития явлений эмоционального выгорания ранее уже были

описаны в соавторстве с Ж.Р.Гардановой и В.И.Есауловым в предыдущих работах [7-9]. До настоящего времени недостаточно полно изучена возможность профилактики и краткосрочной психокоррекции при развитии синдрома эмоционального выгорания у врачей акушеров-гинекологов.

Целью работы является исследование возможностей профилактики и готовности работы с психологом в режиме краткосрочной психокоррекции при развитии синдрома эмоционального выгорания у врачей акушеров-гинекологов.

Материалы и методы: В выборку вошли 30 врачей акушеров-гинекологов, работающих в мед.учреждениях г.Москвы. Со всеми 30 врачами проведено интервьюирование, и обследование набором психологических тестов (МБИ, Тест Бека, Тест Спилбергера-Ханина).

После прохождения психодиагностики и обработки данных предлагались два занятия с психологом, направленные на работу с выявленными психологическими проблемами обследованных (при их наличии), либо - на профилактику СЭВ. Две сессии с психологом/психотерапевтом проводились в режиме примерно 1-1,5 часовых занятий раз в 5-7 дней. За основу психокоррекционных занятий был взят интегративный психотерапевтический подход.

Результаты и обсуждение

В проведенном нами исследовании основное внимание направлялось на изучение специфики эмоциональных проявлений выгорания, частности - исследованию интенсивности тревожно-депрессивных расстройств, а также прояснению степени заинтересованности обследованных на коррекцию этих расстройств в режиме краткосрочных занятий.

Полученные первичные сведения подтвердили наличие более чем у половины обследованных (21 чел.) типичных для синдрома эмоционального

выгорания психоэмоциональных расстройств и соматических симптомов. Испытуемые предъявляли жалобы астено-субдепрессивного и тревожного характера. Среди наиболее часто встречающихся расстройств отмечались: тревога (17 чел.), пониженное настроение (14 чел.), раздражительность (14 чел.), потеря интереса и безразличие к работе (17 чел.), хроническая усталость на работе (15 чел.).

Нарастание указанных проявлений наблюдалась при увеличении рабочего стажа, и достигало пика к сорока годам при продолжительности работы более 10 лет. В старшей возрастной группе указанные явления встречались реже.

Тестирование опросником МБИ позволило более чем у половины обследованных врачей выявить повышенные показатели уровня «эмоционального истощения», проявляющегося чувством эмоциональной опустошенности и усталости, связанного с работой.

Результаты тестирования опросником А.Бека показало отсутствие депрессии у 12 человек. У остальных 18 обследованных выявлены показатели, характерные для субдепрессии (14 чел.) и депрессии.

Данные тестирования опросником Спилбергера-Ханина указали на преобладание у обследованных среднего и повышенного уровней личностной и реактивной тревожности.

Из 30 обследованных 4 чел. (13,3%) при проведении психодиагностики не проявили интереса к результатам диагностики, и отказались от повторной встречи, заявив, им безразличны полученные результаты, и они согласились на тестирование «просто из уважения», или по просьбе начальства.

Всем 30 обследованным после тестирования и опроса были предложены две индивидуальные психокоррекционные сессии с психологом /психотерапевтом вне зависимости от полученных показателей психоэмоционального состояния.

Участникам проводимого обследования в режиме анонимности предлагалась помощь в исследовании и решении различного рода психологических проблем, а также при желании - обучение релаксационным приемам снятия напряжения. Предусматривалась и более долгосрочная работа с психологом в случае высказанного участниками исследования желания продолжить общение на интересующие обследованных темы.

При этом 13 человек (43,3 %) из 30 отказались от предложенных занятий с психологом по различным причинам. Мотивами отказа являлись: отрицание каких-либо проблем в соматической и психоэмоциональной сферах (7 чел.); недостаток времени на предложенные занятия (2 чел.); "нежелание обсуждать свою жизнь" с психологом " (2 чел.); отсутствие интереса к предложенным занятиям (2 чел.). Наибольший интерес к занятиям проявили молодые врачи, имеющие непродолжительный стаж работы, и с невысокими показателями тревожности и депрессии, а также врачи старше 45 лет. имеющие средне-высокие показатели депрессии и тревоги.

Психокоррекционные занятия с психологом/психотерапевтом базировались на интегративном психотерапевтическом подходе. В каждом отдельном случае при необходимости использовались психотерапевтические техники, включающие элементы нейро-лингвистического программирования, эриксоновский гипноз, арт-терапию, позитивную терапию, техники психомышечной релаксации и элементы аутотренинга [9].

Структурно сессии включали краткое описание сути СЭВ, трактовку полученных результатов психодиагностики, рекомендации по расчетливому распределению своих нагрузок, а также необходимости обучения умению переключаться на другой вид деятельности (построенные на принципах тайм-менеджмента); проведение упражнений по ресурсированию, и, при

необходимости, - работу по уменьшению имеющегося напряжения, а также обучение релаксационным приемам индивидуально или в режиме малых групп.

12 из 17 человек, прошедших краткосрочные занятия с психологом, отметили их полезность для себя, и отмечали некоторое общее улучшение самочувствия, субъективное снижение ситуативной тревожности, более спокойное отношение к стрессовым рабочим ситуациям.

Половина из прошедших сессии проявили интерес к периодическим дальнейшим занятиям, заметив, что занятия помогли им «больше вспомнить о себе», необходимости разрешить себе больше отдыхать. Четверо чел. из этой группы попросили о продолжении регулярных занятий с психологом для решения собственных психоэмоциональных проблем.

Заключение

Профилактика возникновения синдрома эмоционального выгорания у врачей различных специальностей может базироваться в первую очередь на понимании специфики медицинской работы, связанной с высокой психоэмоциональной и коммуникативной нагрузкой и своевременной диагностике начальных проявлений эмоционального выгорания. При появлении психоэмоциональных нарушений, типичных для СЭВ, целесообразно оказание психолого-психотерапевтической помощи, направленной на купирование имеющейся симптоматики, возникающей вследствие рабочих перегрузок и профессиональных стрессов.

Полезным может быть введение периодического тестирования персонала мед.учреждений с целью выявления признаков СЭВ, проведение курса образовательных и разгрузочных занятий, направленных на профилактику этого вида профессиональной патологии и профессиональной деформации личности, Эти занятия могут быть дополнены обучением медиков специальным

релаксационным и ресурсным приемам, позволяющим снизить профессиональную эмоциональную и коммуникативную перегрузку.

Библиографический список

1. Балахонов А.В., и др. Эмоциональное выгорание у медицинских работников как предпосылка астенизации и психосоматической патологии // Вестник Санкт-Петербургского университета - 2009. Т.11, № 3. - С.57-71
2. Сидоров П.И. Синдром эмоционального выгорания // Медицинская газета №43 (8.06.2005); URL: http://www.medgazeta.rusmedserv.com/2005/43/article_322.html (дата обращения 11.11.2016).
3. Кайбышев В.Т. Профессионально детерминированный образ жизни и здоровья врачей в условиях современной России // Медицина труда и пром.экология. - 2006. № 12. - С. 21–26.
4. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2-е изд. СПб.: Питер, 2011. 223 с.
5. Николаев Е.Л. Что волнует медицинского работника на рабочем месте: психологический контекст профилактики профессионального стресса //Вестник психиатрии и психологии Чувашии -2015. Т.11, № 3. - С. 27-45.
6. Марченко-Тябут Д.А., Головач АА. Личностная и реактивная тревожность у врачей различных специальностей // Медицина. - 2005. №2. - С. 79 - 81
7. Гарданова Ж. Р., Есаулов В. И., Кектеева Ю. И. Особенности тревожно-депрессивных расстройств в рамках синдрома эмоционального выгорания у акушеров-гинекологов // Вестник науки и образования.- 2016.- №12 (24) - С.98-103

8. Гарданова Ж. Р., Есаулов В. И., Кектеева Ю. И. Особенности эмоционально-личностной сферы при развитии синдрома эмоционального выгорания у врачей акушеров-гинекологов // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 6. С. 26.
9. Гарданова Ж. Р., Есаулов В. И., Кектеева Ю. И. Краткосрочная профилактика и коррекция психоэмоциональных расстройств при развитии синдрома эмоционального выгорания у врачей акушеров-гинекологов // Theoretical & Applied Science. 2016. № 12 (44). С. 19-23.

СЕКЦИЯ 3. ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 159.9.075

Шалагинова К.С. Проблема предупреждения суицидальных рисков в подростковом возрасте

The issue of prevention of suicidal risk in adolescence

Шалагинова Ксения Сергеевна

Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого

Shalaginova Ksenia Sergeevna

Tula State Teachers Training University

Аннотация: в статье представлен опыт работы с подростками, по предупреждению суицидальных рисков. Проведён анализ литературы, рассмотрены общие положения, позволяющие предположить о возможном неблагополучии подростка, представлены результаты диагностики, основные направления превентивной программы.

Ключевые слова: суицидальный риск, предупреждение

Abstract: the article presents the experience of working with adolescents for the prevention of suicidal risks. The literature reviewed for general provisions, which suggests about the possible troubles of a teenager, presents the results of diagnostics, the main directions of preventive programs.

Keywords: suicide risk, prevention

Рост числа самоубийств среди подростков в очередной раз обратил внимание специалистов различных сфер и областей (медики, социологи, психологи, педагоги, социальные работники, юристы и т. д.) на одну из наиболее острых проблем современного человечества - проблему суицида. Данная проблема уже давно вошла в категорию «вечных» проблем человечества, ибо существует практически столько же, сколько существует человек, нисколько не утрачивая своей актуальности.

Значительный вклад в изучение суицида внесли Э. Дюркгейм, К. Меннингер, А. Адлер, Д. Юм, Н.А. Бердяев, А.Ф. Кони, М.Н. Гернет, В. Франкл, В.М. Бехтерев, И.А. Сикорский и другие. Исследования современных ученых посвящены, как правило, изучению различных аспектов самоубийства. Так,

среди исследований социологического аспекта самоубийства следует выделить работы Я.И. Гилинского, И.Б. Орловой, А.Ю. Мягкова, П.А. Сорокина. Психологический и психиатрический аспект самоубийства в своих работах рассматривали А.Г. Амбрумова, Л.И. Постовалова, Л.Э. Комарова, А.Р. Ратинов, Ю.И. Полищук, В.Ф. Войцех и др.). Правовой аспект самоубийства исследовался учеными-юристами исключительно применительно к уголовно-правовой норме, предусматривающей доведение до самоубийства. Этим вопросом занимались С.В. Бородин, Н.И. Загородников, А.Н. Игнатов, А.Н. Красиков, Э.Ф. Побегайло, В.П. Ревин, В.И. Ткаченко, И.А. Алиев, Р.З. Авакян, М.К. Аниязнц и другие.

Особое звучание проблемы суицида в подростковом возрасте обусловлено рядом причин и обстоятельств. Во-первых, несформированность психики и, как следствие этого, – ранимость, импульсивность, склонность к накоплению отравительных эмоций, тенденция преувеличивать тяжесть переживаемых трудностей и сложностей. Для большинства подростков все происходящее имеет только две полярные оценки - «черное» и «белое», без переходов и компромиссов.

Анализ материалов уголовных дел и проверок обстоятельств самоубийств несовершеннолетних, проведенный Генеральной прокуратурой России, показывает, что 62% всех самоубийств несовершеннолетних связано с семейными конфликтами и неблагополучием, боязнью насилия со стороны взрослых, бестактным поведением отдельных педагогов, конфликтами с учителями, одноклассниками, друзьями, чуждостью и безразличием окружающих.

Во-вторых, у подростков значительно чаще, чем у взрослых, наблюдается так называемый «эффект Вертера» — самоубийство под влиянием чужого-либо примера. Интернет-ресурсы, пропагандирующие суицид открываются и

создаются чаще, чем закрываются, давая подросткам возможность свободно обсуждать смерть, суицид. «Уберечь» подростка от подобной информации практически невозможно.

В-третьих, в настоящее время установлено, что количество суицидальных попыток в подростковом возрасте многократно превышает количество осуществленных самоубийств. У взрослых они предположительно соотносятся как 6 или 10 к 1, а у подростков как 50:1 или даже 100:1. Кроме того многие попытки носят демонстративный (предупреждающий для взрослых) характер и совершаются в тех местах и в те часы, когда наиболее велика вероятность быть спасенным. Но даже и эти обстоятельства несколько не снижают актуальности затронутой проблемы, а скорее наоборот, требуют разрешения, которое в свою очередь, также осложняется целым «букетом» сложностей (этический аспект, отсутствие компетентности вообще и в частности психологической у специалистов, сложность рассматриваемой проблемы-отсутствие индикаторных рисков, технологий работы, как никогда актуальный принцип работы психолога-«не навреди», осложняющий порой ведение превентивной деятельности).

Анализ литературы по проблеме исследования позволил нам выделить несколько подходов к определению понятия «суицид» и «самоубийство».

Самоубийство, суицид (от лат. *sui caedere* - убивать себя) - целенаправленное лишение себя жизни, как правило, добровольное (хотя бывают и случаи вынужденного самоубийства) и самостоятельное (в некоторых случаях осуществляется с помощью других людей) [1].

Суицид - психологическое явление и, чтобы понять его, нужно понять душевное состояние человека, который решил покончить с собой. Самоубийство совершается в особую, исключительную минуту жизни, когда черные волны

заливают душу, и теряется всякий луч надежды [5].

Говоря о причинах детских самоубийств, психолог В.Ф. Войцех считает, что причина детско-подросткового суицида часто в том, «что в сознании подростка нет негативного отношения к суициду [2].

Другие исследователи (Л.В. Ким) выделяют такой феномен, как «прессинг успеха» - в погоне за высокой успеваемостью и победами на различных конкурсах и соревнованиях, увы, отличники более подвержены риску суицида. Как правило, семья и школа выступают основными «факторами» доведения до самоубийства.

Амбрумова А.Г. и ряд других исследователей выдвигают концепцию о том, что суицид - это феномен социально-психологической дезадаптации личности, т.е. ключевые понятия для данного явления - социально-психологическая адаптация и дезадаптация [1].

Среди подростков, обследованных А. Е. Личко 32% суицидальных попыток приходится на долю 17-летних, 31% - 16-летних, 21 %- 15-летних, 12 % - 14-летних и 4 % - 12—13-летних. Юноши совершают самоубийства как минимум вдвое чаще девушек; хотя девушки предпринимают такие попытки гораздо чаще, многие из них имеют демонстративный характер. Неудачные суицидальные попытки большей частью не повторяются; хотя 10 процентов мальчиков и 3 процента девочек от 10 до 20 лет, совершивших неудачные суицидальные попытки, в течение ближайших двух лет все-таки покончили с собой.

Современные ученые утверждают, что профилактика подростковых самоубийств заключается не в избегании конфликтных ситуаций — это невозможно, а в создании такого психологического климата, чтобы подросток не чувствовал себя одиноким, непризнанным и неполноценным. В девяти случаях

из десяти юношеские покушения на самоубийство — не желание покончить счеты с жизнью, а крик о помощи. О подобных желаниях подростки и юноши часто говорят и предупреждают заранее; 80 процентов суицидных попыток совершается дома, в дневное или вечернее время, когда кто-то может вмешаться. Многие из них откровенно демонстративны, адресованы кому-то конкретному, иногда можно даже говорить о суицидальном шантаже. Тем не менее все это смертельно серьезно и требует чуткости и внимания учителей и психологов-консультантов, когда они, наконец, появятся в нашей школе.

Несмотря на многообразие исследований и подходов, как мы уже отмечали выше, в современной науке отсутствуют индикаторные риски, выделяются лишь некоторые общие положения, позволяющие предположить о возможном неблагополучии подростка. Сводятся они к следующему:

- суициду предшествуют кратковременные, объективно нетяжелые конфликты в сферах близких отношений (в семье, школе, группе); объективная тяжесть жизненных обстоятельств: детство, прошедшее в неблагополучной семье, плохие отношения с близкими в данный период, потеря дорогого человека, общественное отвержение, тяжёлое заболевание и так далее;
- конфликт воспринимается как крайне значимый и травматичный, вызывая внутренний кризис и драматизацию событий;
- суицидальный поступок воспринимается в романтически-героическом ореоле: как смелый вызов, как решительное действие, как мужественное решение и т.п.
- суицидное поведение демонстративно, в нем есть признаки «игры на публику»;
- суицидальное поведение регулируется скорее порывом, аффектом, в нем нет продуманности, взвешенности, точного просчета; средства самоубийства

выбраны неумело (прыжок с балкона 2-3 этажа, малотоксические вещества, тонкая веревка и т.п.);

- признаки замышляемого суицида - разговоры на темы самоубийств, смерти, сны с сюжетами катастроф, сны с гибелью людей или собственной гибелью, повышенный интерес к орудиям лишения себя жизни, рассуждения об утрате смысла жизни, письма или разговоры прощального характера;

- снижение ресурсов личности, позволяющих противостоять трудностям: депрессия, стрессовые состояния, беспомощность, болезни, насилие в близком окружении, истощённость физического или психического плана, неопытность и неумение преодолевать трудности.

Для диагностики суицидального риска в подростковом возрасте нами были использованы следующие психодиагностические методики: Методика Айзенка EPQ, Методика диагностики стресс-совладающего поведения (копинг-поведение в стрессовых ситуациях), Опросник депрессии Бека, Методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассел и М. Фергюссон, Шкала личностной и ситуативной тревожности Ч. Д. Спилберга - Ю. Л. Ханина.

Анализ результатов констатирующего этапа эксперимента позволяет сделать следующие выводы:

1. По результатам диагностики по методике «Методика Айзенка EPQ» на констатирующем этапе эксперимента у испытуемых были выявлены низкие (10%) показатели по шкале Экстраверсии-Интроверсии, что указывает на преобладание интровертированного типа личности испытуемых; высокие (70%) показатели по шкале Нейротизма, и средние (20%) показатели по шкале Психотизма, что свидетельствует о нахождении подростков в состоянии тревоги и депрессии.

2. У 80% испытуемых единственной моделью копинг-поведения является избегание. Две оставшиеся модели поведения разрешения проблем и поиска социальной поддержки остались на нижних отметках (около 10% каждая), что позволяет нам говорить о замкнутости, неуверенности в себе, глубоким внутренним переживания, которые испытуемые вынуждены переживать наедине, внутри себя, не имея доступных способов решения или вымещения накопившегося стресса.

3. По методике «Опросник депрессии Бека» на констатирующем этапе эксперимента средний показатель в выборке составляет 14 баллов, что свидетельствует об умеренном уровне депрессии. При показателе выше 19 баллов можно говорить о клиническом нарушении и медикаментозном лечении – такие испытуемые в выборке отсутствуют.

4. По результатам диагностики по методике «Шкала личностной и ситуативной тревожности Ч. Д. Спилберга – Ю. Л. Ханина» на констатирующем этапе эксперимента мы можем видеть констатировать высокий уровень личностной и ситуативной тревожности соответственно у 40% и 60% испытуемых.

5. Уровень субъективного ощущения одиночества у 60% находится на высоком уровне, и у 40% на среднем. В состоянии субъективного одиночества подросток закрывается от окружающих, никого, не подпуская к себе, что лишь сильнее загоняет его самого в угол, где он вынужден решать все свои внутренние проблемы один. Подростковая психика зачастую не готова к самостоятельным разрешениям возникающих конфликтов. Отсюда следует, что высокий уровень субъективного ощущения одиночества говорит о необходимости психологической поддержки и терапии.

Для работы с подростками нами разработана программа, цель которой

профилактика суицидального риска в подростковом возрасте.

Задачи программы - снижение уровня личностной и ситуационной тревожности; выработка эффективного стресс-совладающего поведения; снижения уровня депрессивных состояний; выработка эффективной стратегии поведения в группе; преодоления чувства одиночества.

Программа включает в себя комплекс занятий по каждому пункту содержания программы. В качестве основы при разработке программы профилактики нами был использован групповой психологический тренинг.

Каждое занятие имеет следующую структуру:

1. Вводная часть. Ритуал приветствия.
2. Основная часть.
3. Заключительная часть. Рефлексия. Ритуал прощания - участники благодарят друг друга за совместную работу.

Программа рассчитана на подростков в возрасте 11-15 лет. Занятия проводятся один – два раз в неделю (90-120 минут).

В настоящее время программа находится на стадии реализации.

Библиографический список

1. Амбрумова А.Г. Социально-психологическая дезадаптация личности и профилактика суицида (библиографический обзор) / Вопросы психологии. - 1981. - №4.
2. Войцех В.Ф. Клиническая суицидология. – М. 2008.
3. Исаев Д.С. Психология суицидального поведения. - Самара. 2000.
4. Молтсбергер Дж. Опасность самоубийства: клиническая оценка и принятие решений / Журнал практической психологии и психоанализа. - 2003. - №1.

5. Фрейд З. Печаль и меланхолия. / Суицидология: Прошлые и настоящее: Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах.- М.,2001.

6. Хендин Г. Психотерапия и самоубийство / Журнал практической психологии и психоанализа. - 2003. - №1.

СЕКЦИЯ 4. СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 398.1

Карымова С.М. Образ врага в фольклорной традиции тюркских народов Южной Сибири

Image of enemy in the folk tradition of the turkic peoples of Southern Siberia

Карымова Светлана Михайловна,

Кандидат философских наук, доцент кафедры Реклама,
Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного
университета промышленных технологий и дизайна

Karymova Svetlana Mihaylovna,

Ph.D., Associate Professor, Department of Advertising,
High School Print and Media St. Petersburg
State University of Industrial Technology and Design

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию образа врага в фольклорной традиции тюркоязычных народов Южной Сибири. На основании анализа богатырской сказки выявлены характерные черты и проведена типологизация антагонистов главного героя.

Ключевые слова: Фольклор, богатырская сказка, образ врага, антагонист.

Abstract: This article is devoted to study of enemy image in the folk tradition of turkic peoples of Southern Siberia. There were analysis and typology of image of enemy.

Keywords: Folklore, heroic fairy tale, image of enemy, antagonist

Фольклорная традиция тюркских народов богата жанрами и сюжетными линиями, исследование которых позволяет глубже понять мировоззренческие особенности культуры. Для конкретизации тематики, данное исследование будет ограничено сказкой, а именно – богатырской, которая с одной стороны не столь многочисленна как остальные виды, будь то: волшебные, новеллистические, бытовые или сказки о животных; с другой, наиболее показательная за счет реализации в повествовании четкой оппозиций – главный герой / антагонист, свой / чужой, добрый / злой.

В качестве источников будут использованы богатырские сказки тюркоязычных народов Южной Сибири: алтайцев, шорцев и тувинцев.

Основной сюжетной линией богатырской сказки является противостояние

главного героя и антагониста. Однако, если образ богатыря в фольклоре исследуемых народов изучен достаточно хорошо, то образ врага остался без должного внимания. Как отмечал М. Энафф, элементы символической системы представляют собой ценности и наделяются значениями лишь в силу различий и оппозиций [7, с. 190]. Поэтому важно исследовать не только маркеры и образы положительных персонажей, но отрицательных. Антагонист зачастую провоцирует конфликт или мешает главному герою на пути достижения цели, может быть сильным или слабым, в процессе повествования стать союзником, но в любом случае богатырская сказка базируется на их противостоянии. Целью данного исследования будет, таким образом, будет выявление маркеров и типов отрицательных персонажей в богатырской сказке Тюркоязычных народов Южной Сибири.

Всех противников можно разделить на основных (равных по силе герою) и второстепенных (слабее основного персонажа). Далее представляется уместным конкретизировать типологию следующим образом:

1. Зооморфные мифологические персонажи. Как правило, это существа, описываемые при помощи образов животных хтонического мира: змей, ящериц, собак и пр., населяющих царство Эрлика (божество нижнего мира). Данная группа самая неоднозначная из всех, поскольку в ней встречаются «псевдо враги» (персонажи воспринимаемые героем как вражеские за счет внешнего вида, но по своим поведенческим параметрам таковыми не являющимися). Так, например, главный герой встречает на своем пути «Черного короткого змея» или «Желтого толстого змея» принимает их за своих противников, хотя они, как выясняется в ходе диалога, наоборот пришли ему на помощь в борьбе с «настоящим» антагонистом.

2. Духи природы. Данную группу составляют силы природы

препятствующие действиям главного героя: огонь (пожар), ветер, вода. В сказке Эргил-оол, можно увидеть следующее описание: *«Я – герой, отправившийся на войну с морем Узут. Там был один герой, которого звали Хаан на черном коне с белой звездой на лбу...и когда не было уже никакой надежды, решил бежать, и тогда он послал за мной пламя и стал преследовать»* [5, с. 58]. Как правило, противники данного типа являются второстепенными / помощниками антагониста.

3. Антропоморфные мифологические противники. К этому типу относятся великаны, обладающие великой силой, духи нижнего мира предстающие в повествовании в образе молодого человека, старика, наделенные сверхъестественной силой или качествами. Так, в тувинской сказке Хайындырынмай Багай-Оол встречается следующее описание:

*« – Ведь Грозный Сарыг-хан –
враг, каких в мире нет;
волшебной силой видеть землю насквозь обладает,
у него два коня –
чуют запах подмышек
на расстоянии суток [езды]
чуют опрелости запах
на расстоянии [езды] до полудня;
девятью девять обликов принимает –
[такими] волшебными силами обладает,
силой ста восьми силачей обладает»* [6, с. 97].

В данном случае сверхъестественными силами наделяется не только сам герой, но и его помощники. Создается образ непобедимого врага, которого герой в ходе своего пути должен преодолеть.

4. Антроморфные противники люди. Настоящую группу составляют, преимущественно родственники главного героя (братья, золовки). Противостояние, возникающее с главным героем, имеет корыстное основание, так в одной из сказок, братья с женами пытаются отобрать силу / имущество героя. Например, в «Бёган Сагаан Тоолай» жены братьев главного героя настроили своих мужей отобрать его имущество и изуродовать: *«Но золовки не отставали. В один прекрасный день они усадили обоих братьев, налили им арагы и вины, подали им по хадаку и пригнали из стада жеребцов-двухлеток с челками. И сказали:*

– Ах, пока не убили этого Бёген Сагаан Тоолая, не будет нам счастья! Вот вам в подарок от нас хадак, вот наши жеребцы-двухлетки с челками на лбу. Пользуйтесь всем этим сколько захотите, а его, брата своего, убейте!» [6, с. 80].

При этом, противник из каждой группы может быть как сильным, так и слабым по отношению к главному герою. Антипод обладающий большей или равной силой герою, довольно часто начинает нападать не сам, а посредством своих помощников во время пути богатыря: *«...но тут к нему подлетели два орла девятиглавого черного Андалвы и выхватили из каждого плеча по куску мяса величиной с корову»* [6, с. 122]. Таким образом, битва между главными персонажами может начаться за долго до их непосредственной встречи.

Описание врага складывается из традиционных для сказки эпитетов через противопоставление: свой / чужой, добрый / злой, сильный / слабый, красивый / уродливый, молодой / старый. Антагонист соотносится с властелином подземного мира – Эрликом, поэтому и эпитеты которыми он наделяется в сказках схожи с мифологическим описанием главного божества хтонического мира [2, с. 37]. При этом в ходе повествования они могут меняться, например,

когда герой в середине сказки покалечен противником и становится изуродованным, он все равно обладает положительным значением. В последствии, он побеждает своих врагов и возвращает себе прежний облик.

Другим способом описания противника являются цветовые и цифровые эпитеты. Фольклор тюркских народов содержит большое количество цветовых маркеров относительно как сторон света, вертикальной структуры мироздания, вещей, так и описании действующих лиц. А. Н. Кононов в своей работе «Семантика цветообозначений в тюркских языках» отмечает, что среди азиатских кочевников было распространено следующее соответствие цвета стороне света: красный (*кызыл*) – юг, черный – север (*кара*), голубой (*көк*) – восток, белый (*ак*) – запад и желтый (*сарык*) – зенит [3, с. 160]. Следует уточнить, что север соотносился с божеством нижнего мира – Эрликом и довольно часто использовался в качестве маркера сил зла, например, Ангыла-Кара-Мангыс, Караты-хан, хан Черная ночь, лама с черным проклятием и пр. [6, с. 23]. В алтайском языке эпитет *кара* встречается в таких эпитетах, как: *кара өштү* (заклятый враг), *кара көрмөс* (злой черт), *кара уят* (нечистая совесть) и других устойчивых выражениях с негативной окраской. Хотя в эпических сказаниях можно встретить имена ханов — Маадай-Кара, Кара-Каан, Караты-Каан, где указанное понятие используется как обозначение «могучий, грозный, главный» [4, с. 117]. Помимо черного цвета в описании / именовании антипода главного героя и его действий упоминается также желтый цвет (*сарык* / *сарыг*). В сказке «Хайындырынмай Багай-Оол» врагом является грозный Сарыг-хану. В «Шаралай Мерген с конем в желтых яблоках» умерщвление главного героя описывается с использованием черного и желтого цветов: «У лысого на уме были черные мысли. На завтра ночью, когда все спали, он встал, оторвал подметку от сапога Шаралдая и разложил ножичек с желтой рукояткой. Он выбрался из

юрты и стал дуть в нос коня в желтых яблоках. Конь в желтых яблоках чихнул, так как ему было не выдержать вони, шедшей от лысого, и от этого выскочил из его ноздри желтый ящичек. Лысый поднял крышку, увидел в нем желтую птичку и сразу же ее убил» [5, с. 128]. В целом можно отметить, что основными цветами-маркерами для антипода являются: черный и желтый. Относительно количественных характеристик часто встречаются комбинации цифр 3, 5, 7 и 9, за счет которых формируется гипертрофированный образ врага, например: «девяносто девятью волшебными силами обладающий», «способный видеть сквозь девять небес», «имеющий три головы» и пр.

Однако облик персонажа складывается не только из описания внешнего вида, способностей и его помощников, но за счет иллюстрации пути к нему и месту его пребывания. Последнее зачастую находится на севере (край мироздания) или ориентировано на него; в пещере или скале; черное, темное, мрачное; окутанное зловонием. Антагонист, таким образом, пребывает на стыке двух слоев мироздания: мира людей и нижнего мира (царство Эрлика), в то время как богатырь на стыке среднего и верхнего миров.

Общение героя и противника реализуется в следующих формулах произведения:

- 1) приближение врага (оно сопровождается появлением пожаров, бурного ветра, зловониями, нападением помощников антагониста);
- 2) гнев врага (выражается в демонстрации силы и волшебных качеств);
- 3) угроза врага (обещание уничтожить героя / род героя);
- 4) сражение с врагом (описание схватки двух героев);
- 5) победа главного героя.

Таким образом, облик врага в богатырской сказке представляется довольно информативным как для реконструкции мировоззрения традиционной

культуры алтайских народов, так для уточнения композиционных нюансов фольклора. Исходя из проанализированных сказок были выделены следующие типы антагонистов: зооморфные мифологические персонажи, духи природы, антропоморфные мифологические противники и антропоморфные противники люди. В описании образов можно увидеть строго реализованное противопоставление сакральное / профанное, свое / чужое, доброе / злое в виде цветовых, числовых, физических и поведенческих эпитетов, которые относятся как к самому персонажу, его помощникам, так и его месту пребывания. Эпитеты иллюстрирующие образ антипода во многом схожи с образом Эрлика, божества хтонического мира. Стоит отметить, что статус врагов является неоднозначным, когда персонаж в одной сказке выступает в роли антагониста, а в другой в роли главного героя с положительными коннотациями.

Библиографический список

1. Алтайские народные сказки. Новосибирск, 2002, 455 с.
2. Кондратьева Н. М. Алтайская народная сказка // Алтайские народные сказки. Новосибирск, 2002, 455 с.
3. Кононов А. Н. Способы и термины определения стран света у тюркских народов. // Тюркологический сборник. 1974. – М., 1978. С. 72 – 89.
4. Майзина А. Н. Семантическое поле цветообозначений в алтайском языке (в сопоставлении с монгольским языком). Горно-Алтайск, 2008, 264 с.
5. Сказки и предания алтайских тувинцев. Собраны Эрикой Таубе. М., 1994, 380 с.
6. Тувинские народные сказки. Новосибирск, 1994, 460 с.
7. Энафф М. Клод Леви-Строс и структурная антропология. СПб, 2010, 560 с.

Электронное научное издание

Социология, культурология, психология и антропология: научные и практические парадигмы

Сборник научных трудов
по материалам I международной
научно-практической конференции

28 февраля 2017 г.

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к сотрудничеству
обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

978-5-00-007330-4

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 2,5. Тираж 100 экз.

Издательство Индивидуальный
предприниматель Краснова Наталья
Александровна

Адрес редакции: Россия, 603186, г. Нижний
Новгород, ул. Бекетова 53